Нью-Йорк был — и остается очень опасным местом. Для человека, который всегда "не в духе" и почти окаменел от бесконечных бурь жестокости, захвативших всю атмосферу и небо Гарлема, этот факт может стать только более правдивым. Для таких людей, как Бронте, этот факт неизбежен. Особенно если учесть миллиардеров в летающих экзоскелетах, людей, способных покрывать свою кожу льдом, и психопатов в странных костюмах носорогов. Действительно, опасно.

Большую часть своих дней Бронте проводил так же, как и сейчас. В своей тёмной и уныло оформленной спальне, сидя у окна, предоставленный самому себе.

Было время, когда недостаток физической силы и мужества беспокоил его до бесконечности. Было время, когда он плакал и злился на несправедливость, в которой, казалось, топил его мир. Но это время уже давно угасло и превратилось в не более чем постоянное тиканье в глубине его сознания.

Тиканье, которое неминуемо распадалось в тот момент, когда он надевал наушники, а его пальцы оказывались на знакомых чёрных квадратных клавишах ритм-пэда. Такие гладкие, изношенные, подстроенные под кончики его пальцев. Словно продолжение его самого, продолжение, с помощью которого он мог лепить и формировать мир вокруг себя.

Мир. Казалось бы, всегда страшный. Такой опасный. Под гармоничным ритмом, льющимся из его наушников, он, казалось, становился прямо противоположным. И по мере того, как он создавал свой сэмпл, измельчая и прикручивая, реверсируя и добавляя барабанные партии, мир вокруг него становился всё дальше от опасности.

Даже когда за окном бушевал шторм — словно бугимен, не способный проникнуть в пределы его ритмической области, — он оставался спокоен. В зоне, непроницаемой ни для чего.

Наоборот, это только усиливало его спокойствие.

Непрерывный стук дождя, бьющего по подоконнику, доносился до его ушей как заунывный ритм, сливающийся с его собственным. Порывы ветра, проникавшие сквозь частично открытую раму, превращались в тоскливый вой, гармонирующий с мелодичной основой, звучавшей в его ушах.

И гром. Хаотичный и жёсткий звук, который пугал его больше всего, стал его главным помощником, когда он ударил в унисон со скрежетом барабанной установки 808, на которой он работал. 808.... уголовный кодекс за нарушение спокойствия. Какая ирония.

В такие моменты, как тот, который он переживал, мир был именно там, где он находился. Чёрт возьми, когда он вносил жизнь и изменения в музыку, звучащую в наушниках, ему казалось, что он летит. Он мчался сквозь шторм, которая была приветлива только для него и его музыкальных эксцентриков.

Мир. Течь как вода из реки, слушать, наблюдать, и расти.

Бронте впитывал все это. Ноги стучали по полу, словно под ним был таракан. Пальцы двигались, словно у юного пианиста, а его заплетённые в косу волосы покачивались в такт тяжёлым басовым ударам.

А шторм всё бушевал и бушевал. Гром бил в окно в унисон с ещё более сильными ударами баса. Он начал петь, на фоне мелодичного сэмпла. Вдруг в его руке оказалась гитара. Гибсон. Электрическая. Музыкальное олицетворение интенсивности, обтянутое полированным красным деревом и никелированными стальными струнами.

Инструмент идеально попадал в такт, когда его пальцы извлекали музыку из его струнной поверхности.

Потоки. Это было прекрасно. И, похоже, только в музыке он мог это почувствовать.

Он не знал, сколько времени прошло с тех пор, как он начал, но внезапный стук в дверь вырвал его из пут его укрытых мыслей.

— Тэй! Тэй! Милый, музыка конечно звучит прекрасно, но ты опоздаешь в школу. — С той стороны двери доносился тёплый и тонкий женский голос. Знакомый. Голос, который он слышал каждое утро, если уж на то пошло. Его мать.

Бронте застыл на месте, отсоединил наушники, закрыл приложение на ноутбуке и проверил время в правом нижнем углу экрана. Оно показывало семь тридцать семь.

Его сердце начало пульсировать, словно готовое выдать свой собственный удар.

— Вот чёрт! — Воскликнул он, прежде чем начать рыться в комнате в поисках одежды и рюкзака.

— Я знаю, что сейчас идёт сильный шторм, но тебе лучше не опаздывать, Тэй. — Женский голос произнёс с другой стороны двери более строгим тоном, чем раньше.

— ...Да... Я понял тебя, ма. — Ответил Бронте, подпрыгивая на одной ноге и пытаясь надеть джинсы.

На мгновение он замер, повернувшись лицом к окну. Капля дождевой воды всё ещё марал поверхность и блестел под лучами утреннего солнца. Но больше ничего не было. Гроза утихла — как и большинство утренних дней за последние несколько месяцев. Когда-то это был огромный шторм, сотрясавший жилой комплекс, в котором он жил, а затем в следующее мгновение он исчез, как будто его и не было.

Он ещё некоторое время смотрел в окно, и его взгляд остановился на фигуре в капюшоне, стоявшей у входа в переулок на противоположной стороне улицы. Она выделялась из толпы пешеходов, заполонивших тротуары.

По ширине бёдер и длинным чёрным волосам, ниспадающим из-под капюшона, он мог предположить, что это женщина. Почему-то ему показалось, что она смотрит через окно прямо на него. Её руки были обнажены из рукавов куртки. Костяшки пальцев были покрыты засохшей кровью, как будто кожу между ними неоднократно разрывали.

Несколько секунд он смотрел на неё, застывшую в переулке. Затем, казалось бы, из ниоткуда, на улицу выехал полуприцеп с маркировкой “Озкорп Индастриз”, резко прервав их поединок взглядов. А когда он проехал, её там уже и не было.

Исчезла, как будто её и не было вовсе в том переулке.

— Странно… — Пробормотал он, продолжая собираться. Всё это время он продолжал осматривать переулок.

http://tl.rulate.ru/book/99582/3389284